

Сказы Т. Бажова
Иллюстрированы
А. Каминским
Художник В. Наркин

Павел Петрович Бажов (1879–1950), написавший книгу сказов „Малахитовая шкатулка“, родился и вырос на Урале, в семье горно- заводского мастера. С детства он полюбил „тайные сказы“ – устные предания уральских рабочих. Став писателем, он бережно, с большой любовью использовал эти предания в своих книгах.

...у Настасьи, степановой-то вдовы, шкатулка малахитовая
осталась. Со всячим женским прибором. Нольца там, серьги...
Сама Хозяйна Медной горы одарила Степана этой шкатулкой.□

По Степанушибко убивалась его дочка Танюшка. Мать и
придумала дать ей ту шнатулку малахитову — пущай де по-
забавится. Танюшка и занялась разбирать шнатулку.
И вот диво — что ни примерит, всё по ней! □

На всю округу пошла слава о чудесной шкатулке. Большие им деньги за неё давали, да не продавали они отцово подаренье.

Однажды приходит к ним женщина. На спине котомочка холщовая, в руке черёмуховый баджон, вроде как странница. Просится у Настасьи: «Нельзя ли, хозяюшна, у тебя денёк-другой отдохнуть?»

— Места не жалю. Не пролениши, поди, и с собой не унесёшь. Только вот кусон-то у нас сиротский. Утром — лучон с квасном, вечером квасок с лучном, вся и перемена.

Женщина котомочку расстегнула. — „Иди-ко, дитятко, погляди на мое рукоделье. Ноли поглянется, так и тебя выучу...” —
Вот эта женщина и занялась Танюшку учить.

Танюшка до того вверилась этой женщине, что сказала ей про шкатулку. Достала шкатулку, показывает, а женщина говорит: „Наденька на себя — виднее будет“.

Танюшна стала надевать, а та, знай, похваливает. Подошла поближе, да и давай пальцем в камешки тынать. Ноторый заденет — тот и загорится по-другому.

Стала женщина тихонько гладить Танюшку по волосам, по спине: „Встань-но, доченька, пряменько. Нан заставлю тебя повернуться, смотри, на меня не оглядывайся. Вперёд гляди, примечай, что будет. Ну, поворачивайся!“

Повернулась Танюшка – перед ней помещение, наного она отродясь не видывала. Потолки высоченные на столбах из чистого малахиту. Стены тоже в рост человека малахитом выложены, а по верхнему нарнизу малахитовый узор пошёл.

Народу в том помещенье полно. По-господски одеты, и все
в золоте да заслугах. У него спереду навешано, у него сза-
ди нашито, а у него и со всех сторон. Видать, самое выс-
шее начальство.

Прямо перед Танюшкой стоит красавица. Волосы как ночь
а глаза зелёные. И вся-то она изурошена дорогими камен-
ями, а платье на ней из зелёного бархату с переливом.

В ряд с зеленоглазой наной-то белобрысенький. Глаза врас-
нос, уши пенёчками, как есть заяц. А одежда на нём — уму
помраченье. Сразу видать, заводчик это. Лопочет тот заяц
зеленоглазой-то, а она хоть бы бровью повела, будто его
вовсе нет.

Танюшка глядит на эту барыню и только тут заметила:
„Ведь каменя-то на ней тягина!“

И ничего не стало. А женщина посмеивается.— „Не доглядела, доченька! Не тужи, по времени доглядишь.”— „Где это такое помещенье?”— спрашивает Танюшка.— „А это царский дворец. Та самая палата, что здешним малахитом изукрашена. Твой покойный отец его добывал”.

В тот же день женщина собираясь в дорогу стала. Поклонилась низенько Настасье, достала пуговку махонькую, стеклянную, подала её Танюшке и говорит: „Прими-ко, доченька, от меня памятку. Нак трудный случай подойдёт, погляди на эту пуговку. Тут тебе ответ и будет!“

С той поры Танюшка и стала мастерицей. Танюшкino руно-
делье на моду пошло. Не то что в заводе аль в нашем го-
роде, по другим местам про неё узнали, заказы посылают и
деньги платят немалые.

Только тут беда их и пристигла — пожар случился. Шкатулку, однако, Настасья выхватить успела.

На другой день и говорит: „Видно, край пришёл — придется продать шкатулку“.— Танюшка унрадной на пуговку поглядела, а там зеленоглазая маячит — пущай продают. Горько стало Танюшке, а что поделаешь?

В ту пору в Полевую приехал новый приказчик с женой. Его Паротей прозвали. Паротина жена и прослышала — шкатулку продают. — „Дай-но, — думает, — посмотрю, может, всамделе стоящее что“.

Принатила она к Настасье. Настасья достала шкатулку, показывает. У Паротиной бабы и глаза забегали. „Что же это,— думает, — такое? У самой царицы Эданих украшениев нет, а тут на-но — в Полевой, у погорельцев!“ — „Сколько, — спрашивает, — проснишь?“ — Настасья говорит: „Две бы тысячи охота взять“.

Барыня тут же отдала деньги, подхватила шнатулку и айда
домой.

Нак приехала, сразу понупну примерять стала. Подбежала к зеркалу и первым делом наголовник пристроила — Ой, ой, что такое! — Терпенья нет — крутит и дерёт волосы-то.

Серьги надела — чуть мочни не разорвало. Палец в перстень
сунула — зановало, еле с мылом стащила. — „Что за штука?
Надо в город ехать, мастеру поназать. Подгонит как надо“.

Мастер старый-престарый, а по своему делу дона. Оглядел шкатулку, спрашивает, у него куплено. Барыня рассназала. — «Не возьмусь, — говорит, — что хошь давайте».

Барыня побежала к другому мастеру.— „Знаю, — говорит другой, — в каком месте шкатулка сделана, и про мастера многое слышан. На одного ного тот мастер подгоняет, другому не подойдёт, что хошь делай“.

Барыня поняла — неладно дело, боятся ного-то мастера. Припомнила, что Настасья сказывала, будто дочна любила эти уборы на себя надевать. „Не по ней ли подгонялись? Вот беда-то!“

Весной приехал на заводы молодой барин Турчанинов. Просlyшал барин про шкатулку и купил за неслыханную цену у жены Пароти. Велел он позвать Танюшну.

Нак вошла Танюшка в комнату, сразу узнала того зайца, которого она видела в малахитовом дворце. Перед этим зайцем шкатулка — отцово подаренье.

— „Зачем звали?“ — спрашивает Танюшка. — „Ваши камни?“ — „Были наши, теперь вон ихние“, — и показала на Паротину жену. — „Мои теперь, — похвальился барин. — Хошь, подарю обратно?“ — „Отдаривать нечем“. — „Ну, а примерить на себя ты их можешь?“ — „Это, — отвечает Танюшка, — можно“.

Взяла шкатулку, разобрала уборы и живо их к месту пристроила. Барин глядит и только ахает. Тут он при всех и говорит: „Выходи за меня замуж. Согласна?“

Поглядела Танюшка на пуговицу волшебную и говорит: „Слышиала я, будто в царском дворце есть палата, малахитом тягиная добычи обделанная. Вот если ты в этой палате царицу мне понажешь — тогда выйду за тебя замуж“.

Барин, конечно, на все согласен. Сейчас же в Сам-Петербург стал собираться и Танюшку зовёт. А Танюшна отвечает: «Уезжай теперь отсюда, а я осенью в Сам-Петербург приеду, не сумлевайся».

Барин из дома приехал, давай по всему городу славить
про камни и про свою невесту. Многим шнатулку-то показывал. 55

Слух про каменья да турчаниновскую невесту и до царицы дошёл. Она и говорит: „Пущай-ко Турчанинов понажет мне свою невесту“.

Нан раз Танюшка весточку прислала — тут она, живёт у такой-то вдовы на самой окраине. Барин к Танюшке, — деснать, приготовиться надо. — „О наряде не твоя печаль, жди меня у крылечка, во дворце“, — отвечает Танюшка.

Вот стали во дворец собираться. На лошадях все подъезжают, в шелнах да бархатах. Турчанинов-барин спозаранку у крыльца вертится — невесту свою поджидает.

А Танюшна надела каменъя, повязалась платочном по-заводски, шубейну свою нанинула — и во дворец. А царсніе лакеи не пущают — не дозволено, говорят, заводским-то.

Турчанинов-барин издаля Танюшку завидел, только ему перед своими-то стыдно, что его невеста пешком, да ещё в этой шубейке, он взял да и спрятался.

Танюшна тут распахнула шубейну, ланеи глядят — платье-то!
У царицы такого нет! — сразу пустили.

А нак Танюшна сняла платочек да шубейну, засиграли на
ней каменья, все кругом ахнули: „Чья такая? Наних земель
царица?“

А барин Турчанинов тут как тут. — „Моя невеста,” — говорит. Танюшка строго на него поглядела и говорит. — „Это еще поглядим! Пошто ты меня обманул — у крылечка не дождался?”

Пошли они в палаты царские, куда было велено. Глядит Танюшка — не то место. Ещё строже спросила Турчанинова-барина: „Это ещё что за обман? Сказано тебе, что в ту палату, которая малахитом тягиной работы обделана!“

Царица вышла в комнату, куда назначено. Глядит — никого нет. Царицыны наушники и доводят — турчаниновска невеста всех в малахитову палату увела.

Рассердилась царица, приходит в палату малахитову. Все ей
кланяются, а Танюшна стоит — не шевельнётся. Царица и
кричит: „Ну-ко, поназывайте мне эту самовольницу — турчани-
новску невесту!“

Танюшка это услышала, говорит барину: „Это ещё что придумал! Я велела мне царицу показать, а ты подстроил меня ей показывать. Опять обман! Видеть тебя больше не хочу! Получи свои камни!“

С этим словом прислонилась к стене малахитовой и растаяла. □

Про Танюшку с той поры ни слуху ни духу. Сказывали только, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали.

Студия «Диафильм» 1972 г. Москва, 101000, Старосадский пер., д. № 7
д-э99-73 Цветной О-ЗО Е